

двенадцать и более чашек чаю или кофе, кислых щей, лимонада»: от этого могут возникнуть болезни, а «брюхо будет как барабан» (158).

Такие вещи можно найти и в моралистических журналах Запада. Различие заключается в адресате. Публика, к которой обращаются английские или немецкие моралистические журналы, состояла не столько из дворян, сколько из зажиточных буржуа.²⁸ В фиктивном клубе джентльменов, помогающих издателю английского «Spectator», не случайно встречается и богатый купец, либеральные воззрения которого отражаются в его говорящем имени Sir Andrew Freeport.²⁹ Главный акцент здесь лежит не на дворянском титуле, а на практически-буржуазном знании мира, олицетворяющемся в персонаже успешного коммерсанта. Правда, в своей двойной роли дворянина и антрепренера-издателя Новиков также соответствует этому социальному типу. Но среди своих соотечественников Новиков был исключением: типичный русский дворянин XVIII в. состоял или в военной или в штатской службе, если не предпочитал заниматься своим поместьем.

Этика европейских моралистических журналов в основном была предназначена для буржуазной публики (и смежных слоев мелкого дворянства), независимо от всех претензий на внесословную универсальность.³⁰ Иначе обстоит дело в России XVIII в., где буржуазия западного типа отсутствовала: социальный и культурный тон здесь задавался исключительно благородным сословием. Анонимный издатель «Всякой всячины» является таким же дворянином,³¹ как и молодой ленивец, фиктивный издатель новиковского «Трутня». Несмотря на известные усилия Екатерины II создать в России «третьего чина людей», действительность, которая изображается на страницах как «Всякой всячины», так и новиковских журналов, населена прежде всего дворянами (то же самое относится к русской комедии XVIII в.). Если речь идет о деревенском дворянстве, как это особенно часто бывает у Новикова, попадают в поле зрения и крепостные крестьяне (как жертвы помещичьего произвола). Кроме того, встречается еще сатирический тип «подьячего»,³² причем часто неизвестно, каких он чинов, так что читатель не знает, идет ли речь о дворянине; остальные группы населения (купцы

²⁸ Martens W. Die Botschaft der Tugend. S. 302 и сл.

²⁹ The Spectator / Ed. D. F. Bond. Oxford, 1965. Т. 1. № 2. Р. 7—13, здесь р. 10—11.

³⁰ Martens W. Die Botschaft der Tugend. S. 303.

³¹ В предисловии «К читателю» этот издатель представляет себя как человека, которому не нужно зарабатывать на хлеб, прибавляя, что его доход «есть дань, мною наложенная на людей, кои более меня работают в поте лица своего», что явно относится к крепостным крестьянам издателя (без паг.).

³² Ср.: Гукровский Г. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750—1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 70—89.